

Г. Гийом, Р. Вален, Ж. К. Шевалье, Р. Лафон и др. связывали отнесение существительного к тому или иному роду с его активностью или пассивностью. Р. Лафон разработал понятия актанциального (*l'actantiel*) и неактанциального (*l'inactantiel*) рода. Первый связан с субъектом, а второй – с объектом. Субъект, обладающий большей степенью активности, относится к мужскому роду, меньшей степенью активности – к женскому. Объект же всегда пассивен, обозначает вещи, неодушевленные предметы и относится к среднему роду.

Родовая классификация пересекается с классификацией по признаку одушевленности или неодушевленности. К категории одушевленных существительных, как пишет Ю. С. Степанов, в то время можно было отнести только наименования взрослых свободных людей, мужчин; с XII–XIV вв. – взрослых людей, мужчин; с конца XV в. к вышеприведенным группам слов прибавились также названия лиц женского пола и с конца XVII в. – животных, а также малых детей. Что же касается обозначения домашних животных, то в индоевропейской культуре существовала трехчленная система: родовое имя, выступающее и как слово мужского, и как слово женского рода, а также парное обозначение двух различных полов соответствующего животного. При этом парные наименования не только строго противопоставлялись по роду, но и были, как правило, различных корней.

Следует также учитывать персонификацию и мифологизацию явлений природы, наделение магической сверхъестественной силой предметов окружающего мира, первобытные верования и древнюю символику.

Исторический взгляд на категорию рода отчасти возвращает ей логичность. Именно в явлениях, принадлежащих как языку, так и культуре, вскрывается обусловленность наименований, неслучайность закрепления за ними определенного грамматического рода, продиктованного самыми глубинными пластами культуры: древнейшими архетипическими представлениями человека, персонификацией и мифологизацией явлений природы, наделением магической сверхъестественной силой предметов окружающего мира, первобытными верованиями, древней символикой и др. Представления о мужском и женском типах вписались в мифы и религию, сказания и письменную литературу, они обусловлены тем, что в данной культуре связано с мужественностью и женственностью.

Н. А. Королёва

ДИНАМИКА ИНОЯЗЫЧНОГО ЛЕКСИКОНА У СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

С начала шестидесятых годов XX века исследователи в области лингвистики, психолингвистики и психологии пытаются выстраивать гипотетические модели ментального лексикона. Несмотря на определенные расхождения в понимании данного явления, ученые подчеркивают его системную организацию, благодаря которой мы в состоянии формулировать мысли.

В связи с популяризацией иностранных языков возникает проблема создания наиболее благоприятной среды для их усвоения, а также поиска новых эффективных методик преподавания иностранных языков. Несомненно, важным аспектом овладения иностранным языком является знание лексического компонента данного языка, который находит свое отражение в ментальном лексиконе – своеобразном словаре, содержащем информацию о значении и произношении слова, его синтаксических характеристиках и т.д. Ведь за изучением иностранного языка стоит не простое запоминание слов, словосочетаний или предложений, а усвоение языковых единиц наряду с правилами их употребления и создания. Таким образом, современные исследователи сталкиваются с довольно сложной задачей – обнаружить закономерности функционирования иноязычного лексикона, научное обоснование которых позволит повысить эффективность обучения языкам.

Вслед за А. А. Залевской уясняем, что лексикон – это сложная многоярусная система многократно пересекающихся ассоциативных полей, с помощью которых упорядочивается и хранится информация о предметах и явлениях окружающего мира, а также об особенностях обозначающих их вербальных единиц. Такие исследователи, как J. Aitchison, J. Carroll, Y. Dong, А. А. Залевская, Т. И. Доценко, Ю. Е. Лещенко, А. Павленко рассматривали особенности взаимодействия лексических единиц родного и иностранного языка в лексиконе билингва. В. Левелт утверждал, что в ментальном лексиконе единицы связаны следующими типами отношений: ассоциативными и основными (важными). К первому классу он относил связи, которые не являются семантическими, фонологическими или морфологическими, однако единицы, объединенные таким образом, часто встречаются вместе в речи или на письме. Существенные же связи представлены родо-видовыми отношениями, связями по сходству, контрасту, смежности в пространстве или во времени.

Целью экспериментального исследования, проведенного на базе МГЛУ, являлось изучение динамических процессов в лексиконе у студентов-лингвистов. Представлены результаты 15 испытуемых, где проанализировано 18123 их реакций. Первый этап исследования имел место, когда участники эксперимента занимались на первом курсе, а второй – восемь месяцев спустя – на втором курсе. Экспериментальное исследование проводилось в индивидуальной форме в два этапа, по 40 минут каждый на первом и втором годах обучения. Основной методикой исследования был выбран ассоциативный эксперимент (направленный и свободный), позволяющий выявить семантические связи в лексиконе билингва.

Испытуемые принимали участие в семи экспериментальных сериях. В первой серии участники исследования продолжали список из трех слов видовым понятием (*History, Mathematics, Handicraft – Literature* ‘история, математика, труд – литература’). Во второй серии испытуемые подбирали родовое понятие к трем видовым (*Russia, Spain, China – countries* ‘Россия, Испания, Китай – страны’). В третьей серии на каждый стимул предлагалось назвать реакцию по контрасту (*black – white* ‘черный – белый’). В четвертой серии – исключали лишнее слово из четырех предложенных (*gorgeous,*

charming, nasty, lovely ‘роскошный, прелестный, отвратительный, прекрасный’ – в данном случае необходимо исключить слово с отрицательной коннотацией). Задачей пятой серии было назвать к предложенному слову понятие, смежное с ним в пространстве или во времени (*morning – breakfast, sea – shore* ‘утро – завтрак, море – побережье’). В шестой серии испытуемые предлагали несколько ассоциаций к одному стимулу в течение 8 секунд (*cat – dog, pet, fluffy, Persian, Tom* ‘кот – собака, домашнее животное, пушистый, персидский, Том’). Седьмая серия представляла собой свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемый отвечает на каждый стимул первым пришедшим в голову словом на английском языке. Стимульный материал предъявлялся на слух. Быстрота являлась обязательным условием работы в эксперименте. Реакции испытуемых записывались с помощью компьютерной программы Audacity – аудиоредактора звуковых файлов.

В первой серии, в которой стимул и реакция являются когипонимами, испытуемые предложили по 328 ответов на первом и втором годах обучения. Среднее время реакции составило 1,5 секунды и приближалось к 1 секунде на втором году обучения. Результаты данной серии в большей степени отражают качественные изменения, происходящие в лексиконе, чем количественные: снижается процент произносительных ошибок, растет количество адекватных реакций.

Во второй серии были задействованы такие мыслительные операции, как обобщение, анализ и классификация для объединения трех видовых понятий родовым. Испытуемые предложили 345 и 355 реакций на первом и втором курсах. Задания данной серии, видимо, не представляли трудности для участников эксперимента, так как средняя скорость реакций в среднем равняется 0,6 секунды.

В третьей серии (ассоциации по контрасту) было получено 804 и 882 реакции. Испытуемые продемонстрировали богатство и разнообразие лексических единиц на втором курсе. Среди стимулов этой серии можно встретить те, которые вызывают градуированные и неградуированные антонимы (в терминах А. А. Залевской) в качестве реакций. Примерами неградуированных антонимов могут служить пары *upstairs – downstairs* ‘вверх по лестнице – вниз по лестнице’, *left – right* ‘правый – левый’, *husband – wife* ‘муж – жена’, где отрицание одного из элементов пары ведет к утверждению второго элемента. Средняя скорость реакции по серии не превышает 1,5 секунды с тенденцией к увеличению на втором курсе.

Инструкция к четвертой серии предполагала исключение лишнего понятия из списка, состоящего из четырех слов, что позволило выявить уровень обобщения и отвлечения. Испытуемые дали 409 и 420 реакций на первом и втором годах обучения. Средняя скорость не превышала 1,5 секунд, темпоральных различий на первом и втором курсах не выявлено.

Среди ассоциаций по смежности в пространстве или во времени насчитывается 777 и 843 реакции испытуемых. Пятая серия является показательной в плане истощения энергетического потенциала у студентов, принимавших участие в исследовании.

Шестая серия представляла собой цепной ассоциативный эксперимент – в течение восьми секунд испытуемые должны были предложить максимально возможное количество слов, связанных со стимулом. Зарегистрировано 1427 и 1917 ответов студентов на двух курсах обучения. Материалы, полученные в данной серии, свидетельствуют о заметном (на 25 %) приросте активного лексикона. Подтверждается гипотеза о том, что его динамика напрямую зависит от качества учебной деятельности. Двенадцать испытуемых (65 %) показали лучший результат, принимая во внимание количество ответов и степень их адекватности, чем на первом курсе. У троих испытуемых (35 %) результаты находятся на довольно низком уровне. Во-первых, это может объясняться наступлением утомления испытуемых, ведь, согласно экспериментальным данным, время говорения отдельно взятого испытуемого на занятиях относительно невелико.

Седьмая серия являлась классическим свободным ассоциативным экспериментом, где на каждый стимул требовалось ответить первым пришедшим в голову словом. Студентам предлагалось 400 стимулов, длительность данной серии составляла 28 минут. Получено 4344 и 4944 реакции соответственно (прирост лексики составил около 14 %). Материалы серии показали, что двенадцать испытуемых выполнили от 70 до 98 % заданий, тогда как те же трое испытуемых, что и в предыдущей серии, не показали стабильного прогресса относительно своих результатов на первом курсе.

Таким образом, динамика лексикона у студентов прослеживается в приросте лексических единиц и более высокой скорости реагирования, готовности работать на пределе возможностей, не снижая качества речевых реакций. Выявлены следующие группы испытуемых: со значительным приростом лексики, с незначительным приростом лексики или отсутствием такового, с высоким уровнем владения иностранным языком, демонстрирующие качественные, а не количественные изменения лексики, что, вероятно, напрямую связано с успешностью учебной деятельности. Результаты проведенного ассоциативного эксперимента противоречат сложившемуся мнению, что иноязычный лексикон развивается по горизонтали, то есть вширь во время обучения.

Е. С. Краус

ИЗУЧЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О СОЗНАНИИ

Изучение сознания имеет многовековую историю, однако до сих пор не существует общепризнанного решения проблемы этой фундаментальной категории. Разногласия начинаются уже на этапе обсуждения источника возникновения сознания. Несмотря на то, что большинство исследователей придерживается мнения о его социальной природе (Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, И. М. Сеченов и др.), некоторые, наоборот, отрицают допущение о зарождении языка и общества без априорного присутствия сознания (В. М. Аллахвердов, 2000). Автор последних доводов признает только универсальные законы работы сознания, но никак